

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Кафедра истории древнего мира и средних веков
Исторический факультет

ЧЕСТЬ И БЕСЧЕСТИЕ

AD FONTES

Сборник докладов круглого стола СНО кафедры истории
древнего мира и средних веков

Харьков
2015

УДК 94(100)(082)

ББК 63.3(0)я431

Ч-51

*Сборник рекомендован к печати Ученым советом
исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина
(протокол № 6 от 19.06.2015)*

Рецензенты:

Сорочан С. Б. – заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, доктор исторических наук, профессор;
Сергеев И. П. – доктор исторических наук, профессор

Ч-51 **Честь** и бесчестье ad Fontes. Сборник докладов круглого стола СНО кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина, 27 марта 2015 г. / Сост., редактор О. А. Ручинская. – Харьков: Майдан, 2015. – 62 с.

Сборник посвящен рассмотрению проблемы чести и бесчестья в историческом аспекте от истоков, т. е. с древнейших времен, и до новейшего периода истории. Представлена публикация докладов, прозвучавших на круглом столе студенческого научного кружка кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина 27 марта 2015 г.

Ч-51 **Честь** та безчестя ad Fontes. Збірка доповідей круглого столу СНТ кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ імені В. Н. Каразіна, 27 березня 2015 р. / Укладач, редактор О. А. Ручинська. – Харків: Майдан, 2015. – 62 с.

Збірка присвячена розгляду проблеми честі та безчестя в історичному аспекті від витоків, тобто з найдавніших часів, до новітнього періоду історії. Представлена публікація доповідей, що прозвучали на круглому столі студентського наукового гуртка кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ імені В. Н. Каразіна 27 березня 2015 р.

УДК 94(100)(082)
ББК 63.3(0)я431

© ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015

© Кафедра истории древнего мира и средних веков, 2015

© Ручинская О. А., 2015

Содержание

<i>От составителя</i>	5
Мамонтова Е. С. Зороастрийская этика в связи с представлениями о чести и бесчестии в державе Ахеменидов	7
Коваленко Д. С. Понятие чести (γέρας), «ἀρετή» и героического идеала у древних греков периода классики и раннего эллинизма	20
Зайковський С. О. Римські поняття honor, fides та філософія «консервативної революції»	27
Ежков Н. Ю. Проблема чести в средневековой Руси XI–XII вв.	34
Батина Е. А. Честь тамплиеров	42
Михалевская Е. О. «Мутация» японских представлений о чести при столкновении с Западом	51

От составителя

Μανθάνετε, ὦ νέοι,
φεύγει γὰρ ὁ χρόνος

пер. с древнегреч. —

*Учитесь, молодые,
ибо время бежит*

27 марта 2015 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина был проведен круглый стол «Честь и бесчестие ad Fontes», нацеленный на рассмотрение генезиса данных представлений, начиная с обществ древнего мира и до современного периода истории. В круглом столе приняли участие студенты II–IV курсов, специализирующиеся по кафедре истории древнего мира и средних веков (Мамонтова Е., Коваленко Д., Заиковский С., Батина Е.), истории России (Ежков Н.), новой и новейшей истории (Михалевская Е.). Молодые ученые-историки рассматривали честь и бесчестие с позиций морально-этических норм определенного общества, религиозные аспекты проблемы, в ракурсе взаимоотношений Востока и Запада. Представленные доклады вызвали оживленную дискуссию, что и стало причиной данной публикации. В обсуждении докладов молодых ученых и наиболее острых дискуссионных вопросов приняли участие студенты и преподаватели исторического факультета.

Доклады и обсуждения на Круглом столе проводились на украинском и русском языках, в связи с этим, предлагаемые материалы соответствуют языку оригинала и представлены в авторском изложении.

Надеемся, что представленные доклады, которые являются рабочими материалами круглого стола студенческого научного кружка «Ad Fontes» кафедры истории древнего мира и средних веков, будут полезны в качестве обмена опытом и результатами исследований молодых ученых, а также помогут всестороннему раскрытию их исследовательского таланта, способностей и научного потенциала.

Канд. ист. наук, доцент О. А. Ручинская.

Зороастрийская этика в связи с представлениями о чести и бесчестии в державе Ахеменидов

Мамонтова Екатерина Сергеевна

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории древнего мира и средних веков, II курс

Мамонтова Е. С. Зороастрийская этика в связи с представлениями о чести и бесчестии в державе Ахеменидов. Статья посвящена вопросу о дуалистических воззрениях зороастрийцев, их морально-этических нормах и понятиям «честь» и «бесчестие» в ахеменидском обществе. Проанализировав общепринятые в современном мире толкования понятий «честь» и «бесчестие», можно сделать вывод, что они сопоставимы с многогранным пониманием Добра и Зла в зороастризме.

Ключевые слова: зороастризм, Ахемениды, этика.

Мамонтова К. С. Зороастрийська етика у зв'язку з уявленнями про честь та безчестя в державі Ахеменідів. Стаття присвячена питанню про дуалістичні погляди зороастрійців, їхнім морально-етичним нормам та поняттям «честь» та «безчестя» в ахеменидському суспільстві. Проаналізувавши загальноприйняті в сучасному світі трактування понять «честь» та «безчестя», можна зробити висновки, що вони співставні з багатограним розумінням Добра і Зла в зороастризмі.

Ключові слова: зороастризм, Ахеменіди, етика.

Mamontova Ekaterina. Zoroastrian ethics and its connection with the concept of honour and dishonour in Achaemenid Empire. The article is devoted to the question about dualistic believes of Zoroastrians, their moral-ethical norms and concepts of «honor» and «dishonor» in Achaemenid society. Analyzing the interpretation of «honor» and «dishonor», which is accepted in the modern world, we can conclude that they are comparable to a multi-faceted understanding of good and evil in Zoroastrianism.

Keywords: Zoroastrianism, Achaemenids, ethics.

Рассматривая вопрос о чести и бесчестьи в зороастрийском обществе при Ахеменидах, перед исследователем встает вопрос: применимы ли в принципе данные понятия к последователям Зороастра и сопоставимы ли они с дуалистическими воззрениями персов, разделявших все сущее на Добро и Зло?

Актуальность данного исследования состоит в том, что без фундаментального изучения этической стороны зороастризма, построенном на учении о противостоянии добра и зла как в олицетворении богов Ахура-Мазды и Ангра-Маинйу, так и в человеке, становится невозможным рассмотрение этой религии в целом. Маздаисты верили, что борьба между добром и злом определяет все процессы как на Земле, так и в мире богов. Соответственно, морально-этические нормы зороастрийцев были тесно связаны с их дуалистическим взглядом на мир.

Главным источником в изучении данной темы является «Авеста» – Священная книга зороастризма, в которой содержатся основные положения учения пророка. «Авеста» – собрание разновременных текстов, среди которых особое место занимает Ясна, состоящая из 72-х глав. Священные гимны Зороастра – Гаты [5], обращенные к Ахура-Мазде, в которых излагаются основы вероучения пророка, его философский и социальный посыл, являются довольно полным и информативным источником, способным дать ответ на многие вопросы, связанные с зороастризмом, в частности и вопрос о морально-этических нормах. Гаты Заратуштры являются основой данного исследования, ведь они регулировали практически все сферы жизни зороастрийца. Вторыми по значимости при изучении религиозного вопроса в державе Ахеменидов можно назвать сведения античных авторов. В частности, в «Истории» Геродота [6], где описывается общий ход событий, имевших непосредственную связь с персами, выявляются и особенности их верований и этических норм.

Таким образом, при исследовании данной темы важнейшим и самым полным источником стали Гаты Заратуштры, дающие исчерпывающие и подробные сведения о зороастризме в целом, без привязки к изучаемому государству, и создающие полную картину этической стороны зороастризма. В трудах античных авторов имеются неоднократные упоминания учения и его особенностей.

Тема зороастризма была поднята еще в XIX в., активно исследовалась на рубеже XIX и XX вв. Среди наиболее значимых трудов по данной теме можно выделить исследование выдающейся британской ученой-иранистки, исследовательницы зороастризма Мэри Бойс [3], в котором детально раскрывается история верований иранцев, зороастрийская теология, представления о сущности Вселенной, обряды и обычаи последователей маздаистов. Ценность данной работы в том, что она дает всесторонние сведения о данной религии через призму дуалистических воззрений последователей Зороастра.

Особенно важной была монография А. Маганлала и М. А. Буха [13], посвященная этике зороастризма, всесторонне раскрывающая морально-этические нормы ахеменидского общества, переплетающиеся с дуализмом зороастризма. Труд А. О. Маковельского, посвященный священной книге зороастризма [8], помог в понимании и интерпретации этого источника. В его работе отдельно освещались вопросы этики в ахеменидском обществе. Также нельзя не отметить исследование С. А. Токарева [11], в котором зороастризм рассматривается в различных его аспектах и этапах существования.

Современный взгляд на личность и учение Зороастра дал А. Шапошников [12]. Его монография содержит в себе переводы «Авесты», выполненные И. Евсой, а также комментарии к ним А. Шапошникова, что было необходимо для правильного понимания данного источника. При исследовании данного вопроса был использован труд В. С. Поликарпова [10], благодаря которому удалось раскрыть отношение зороастрийцев к женщине, женскому образу в персидском искусстве, роли девушки и женщины в браке и семье, понятию о женской чести и бесчестьи.

Зороастризму в целом посвящено огромное количество русско- и англоязычной литературы, однако исследований, посвященных теме чести и бесчестья в зороастрийском обществе при Ахеменидах, практически не существует. В литературе учение рассматривается либо в целом, либо по отдельным аспектам, когда автор углубляется в изучение определенного источника или элемента данной религии, что является недостаточным для полного освещения вопроса в указанных хронологических рамках.

Цель данной статьи – через призму понимания Добра и Зла осветить представления о чести и бесчестьи в зороастрийском обществе. Для этого необходимо дать понятие чести и бесчестью, в общем, сравнить их с существовавшим этическим кодексом зороастрийцев; осветить представления о чести и бесчестьи в контексте учения о добре и зле в зороастризме;

рассмотреть морально-этические нормы в зороастрийском обществе; определить взгляды зороастрийцев на женскую честь и бесчестие. То есть, прежде чем говорить о чести и бесчестии в контексте зороастризма, следует дать общепринятое в современном мире толкование данных понятий.

Наиболее всеобъемлющее и точное определение можно найти в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова [9]. Он понимает честь как:

1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы.
2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя.
3. Целомудрие, непорочность.
4. Почет, уважение.

Бесчестие, соответственно, является антонимом к чести.

Следует отметить, что в «Авесте», священной книге Зороастризма ни слово «честь», ни «бесчестие» не встречаются, однако данные понятия можно интерпретировать исходя из вышеприведенного определения. Ответ на вопрос о том, что есть честь и бесчестие для зороастрийца периода с VI в. до н. э. по 330 г. до н. э. кроется в самой основе учения Зороастра – в идее о дуалистическом строении мира, созданном Ахура-Маздой и Ангра-Маиньей. Суть зороастризма сводится к тому, что все сущее делится на два полярно противоположных лагеря – мир добра и мир зла.

Учение Зороастра гласит, что во всем мире и повсюду идет извечная борьба двух противоположных начал – положительного и отрицательного. В физическом мире – это борьба света и тьмы, в органической природе – жизни и смерти, в духовном мире – борьба добра и зла, в общественной жизни людей – борьба справедливого закона с беззаконием и, наконец, в плане религии – борьба между благим богом Ахура-Маздой и злым духом Ангра-Маиньей. Все то, что есть доброго, исходит от Ахура-Мазды, все, что есть злого, создает Ангра-Маиньей. Эта борьба представляет эпизоды падений и успехов обеих сторон, однако зороастрийцы были убеждены в том, что

в конце концов победит Ахура-Мазда и зло исчезнет навсегда [8, с. 95].

Дуалистическая идея о непримиримости и постоянной борьбе света и тьмы, добра и зла, оказавшаяся в зороастризме в центре внимания имела огромную социально-этическую направленность. Зороастр как бы обращался к человеку с призывом стать лучше, чище, отдавать все свои усилия и помыслы борьбе с силами тьмы и зла, со всякой нечистью.

Религиозная система зороастризма ставила своей целью философски осмыслить мир, понять суть господствующих в нем связей и отношений, уловить главное в том, что происходит вокруг человека, в связи с этим центральное место в системе занимает этика, а основанные на ней принципы являются основными критериями развития общества [8, с. 61].

В учении Зороастра важное место в борьбе двух мировых начал отводилось человеку. Ему был предоставлен выбор встать на любую сторону в борьбе Добра и Зла. Своими добрыми делами он содействовал победе начала добра, а каждым дурным поступком он увеличивал мощь злого начала. Об этом написано в Гатах: «Внимайте мне ушами, взирайте мыслью ясно: две веры различенья, для каждого – своя перед концом великим, который нам вершится» [5, Ясна, 30, 2].

Основную цель мирового прогресса зороастризм видит в победе Добра над Злом, что означает необходимость ведения постоянной борьбы с враждебными силами за победу Правды и Добра над Ложью и Злом. Причем оружием Зороастра против Аримана и Друджа всегда считалось не только чтение молитв, страстная вера в зороастрийское вероучение, но и неукоснительное следование трем правилам-заповедям: благой мысли, благому слову, благому делу [7, с. 15].

Идеология зороастризма выражается в трех словах Гумата (Humata – добрые мысли), Гукта (Hūxta – добрые слова) и Гваршта (Hvarshsta – добрые дела). Мысли человека, его слова и дела подвергаются влиянию двух противоположных слов: Вогумана (Vohumana – «благая мысль», являющаяся одним из

аспектов или атрибутов Агура Мазды) и Акамана (Акамана – «Злая мысль»). Под «доброй мыслью» понимается чистота помыслов, мысли в духе божественного закона, в духе благожелательного отношения к ближнему, готовности помогать в нужде и опасности, готовности активно бороться со злом за счастье и благо людей, стремлении жить в мире и согласии со всеми, в любви и единодушии со своим маздаистским братством.

В своих помыслах человек не должен завидовать другим, обладатель доброй мысли не впадает в необузданный гнев и другие страсти, ибо состоящий в этом человек теряет добрую мысль, забывает о долге, справедливости и чести, и совершает необдуманные поступки. Предписывается быть умеренным в своих желаниях и стремиться жить в согласии с людьми, не предаваться ни корыстолюбию, ни жестокости, ни зависти, ни гордости, ни тщеславию, ни беззаконию. Предписывается не нарушать данного слова, соблюдать договоры, соблюдать честность во всех делах, отдавать долги, не оскорблять никого, не злословить, не клеветать [8, с. 100]. Геродот пишет: «Наигнуснейшим пороком почитают они ложь; а вторым после сего – быть в долгах, как по многим другим причинам, так и потому, что должнику всегда необходимо бывает лгать» [6].

Верующие обязывались не совершать такие преступления: не совершать воровства и грабежа, не посягать на чужую недвижимую собственность и на чужую живую собственность, не совершать преступлений против самих себя. Эта клятва восходит еще к дозороастрийскому времени. Но первоначально эта клятва ограничивалась запретом совершать указанные преступления лишь в отношении «своих», т. е. исповедующих веру в Ахура-Мазду. Заратустра уже преодолевает эту стадию юридических и моральных понятий. Он ставит «на место понятия преступления против социальной группы понятие грехов против морального принципа». Предписание не присваивать чужого добра и воздерживаться от чужой жены свидетельствует о наличии представления собственности,

свойственного эпохе разложения родового строя [8, с. 101]. Нарушивший эти законы человек считался бесчестным.

В моральном кодексе зороастризма видное место занимает забота о здоровье. В частности, предписывается заботиться о здоровье женщины во время беременности и рождения ребенка. Для борьбы со злом Заратустра предписывает верующим гигиенические правила. Он учит соблюдать чистоту, беречься заразы и гниющих разлагающихся трупов [3, с. 75]. Едва ли не основной идеей этической доктрины зороастризма был тезис о том, что зло и страдания зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами своего счастья. При этом человеку необходимо очиститься не только телом, а духом и помыслами [4, с. 62].

Согласно зороастризму, приумножение материальных благ человека, развитие скотоводства и земледелия, рождение у праведных зороастрийцев сыновей, которые приумножат воинство благого начала, приведут в конечном счете к победе Добра над Злом [7, с. 15]. Добродетельный последователь учения должен был усердно заботиться о земле, не оставлять ее в небрежении, постоянно возделывать, украшать полезными плодородными и цветущими ахуровскими растениями. Праведник обязан возделывать землю, защищать полезные растения от вредителей и вредоносных ветров при помощи ахуровских животных и возведения прочных стен вокруг садов и огородов. Украшать сады необходимо не только плодоносящими полезными растениями, но и зримыми воплощениями Амеша-Спента: миртами и жасмином, мышиным горошком и базиликом, мускусными розами и лилиями. Землю следует всячески оберегать от осквернения [12, с. 196–197].

Этическая сторона зороастризма, когда жизнь рассматривалась как благо, данное благим началом, заставляла зороастрийцев чувствовать ответственность за свое поведение и поведение окружающих, связанных между собой единой религией, общими целями и повседневной жизнедеятельностью. Чувство общности усиливалось во время обязательных ритуалов и об-

рядов, связанных с культом предков и поминанием душ усопших, верой в воссоединение с ними после смерти [7, с. 81].

Морально-этические принципы пронизывали и взгляды зороастрийцев на жизнь после смерти. Необходимость вести благочестивую жизнь теперь обосновывалась и тем, что каждая душа, расставаясь с телом, судима за то, что совершила в течение жизни. Зороастр учил, что и женщины, и мужчины, слуги и хозяева, могут мечтать о рае, а «Мост-Разлучитель» (Чинват) [5, Ясна, 46] стал в его откровении местом судебного разбирательства, где приговор каждой душе зависит не от многих и щедрых приношений во время прошлой жизни, а от ее нравственных достижений. Этот суд возглавляет Митра, по обеим сторонам которого восседают Сраоша и Рашну, держащий весы правосудия. На этих весах взвешиваются мысли, слова и дела каждой души: добрые – на одной чаше весов, дурные – на другой. Если добрых дел и мыслей больше, то душа считается достойной рая [5, Ясна, 43, 12]. Тогда, ведомая прекрасной девушкой, олицетворением совести, душа благочестивого человека пересекает широкий мост и устремляется вверх. Но если же весы склоняются в сторону зла, то мост сужается, а отвратительная ведьма, встречая душу бесчестного, пересекающую мост, хватается ее и тянет вниз – в ад [5, Ясна, 51].

В Ясне [3, Ясна, 30, 4] дается описание судьбы, которая ждет душу праведника и душу нечестивца. В религии Заратустры проводится идея возмездия после смерти за добрые и злые дела, совершенные во время земной жизни, и ради этого дается учение о воскресении мертвых и последнем суде, на котором подводится баланс всех добрых и злых поступков. В зороастризме концепции греха и наказания, идея рая и райской жизни встречаются едва ли не впервые. Судьба человека после смерти, а если быть точнее – его бессмертной души, во многом зависела от его активности в сфере добра и его веры в истинность исповедуемого им учения. То есть, если ты веришь, если ты с силами добра и света, если ты

активен в борьбе со злом и тьмой, то можешь рассчитывать на райское блаженство. Однако если же ты не веришь и не борешься, то неизбежно окажешься в мире зла, среди духов тьмы и всяческой нечисти [4, с. 62]. Это подтверждается в Гатах: «Когда веленья Мазды вы, смертные, поймете: блаженство или долгие мучения для лживых, а праведным спасенье, по воле вам так будет» [5, Ясна, 30, 11]. Идея загробного возмездия, высказанная Заратустрой в гатах, провозглашается также в Бехистунской надписи [2] и в персепольской надписи Ксеркса «против дэвов» [1]. Таким образом, Дарий и Ксеркс усвоили зороастрийскую идею воскресения мертвых в загробной жизни и загробного возмездия за поступки, совершенные при жизни [8, с. 121]. Таким образом, маздаистское учение о загробной жизни представляет собой моральную идею воздаяния [11].

Отдельно следует осветить гендерный вопрос в зороастрийской этике. Во взаимоотношении полов существовали определенные предписания. Безбрачие и абсолютное целомудрие осуждались, поскольку жизнь мужчины была подчинена долгу продолжения рода [7, с. 80]. В противовес мужскому морально-этическому кодексу, для женщин поведенческие нормы имели более строгие рамки и их нарушение сильнее осуждалось обществом.

Говоря о роли женщины в культуре зороастризма, следует подчеркнуть, что персы всегда с особым почтением относились к целомудренным девушкам и благочестивым женщинам. Персы крайне ревностно оберегали честь своих дочерей и жен, ибо это, исходя из их верований, являлось самым святым в человеке. В практической жизни эта забота о чести женщин оборачивалась ярко выраженной ревностью. Любой перс старался свести к минимуму возможность появления своей жены, а подчас и рабыни, перед другими мужчинами, а вельможи устраивали специальные закрытые носилки для жены, дабы и на улице никто не увидел ее красоты. Красота девушки должна была быть полностью скрыта для всякого юноши или

мужчины, а красота жены – открыта лишь для мужа. Идея чистого образа мыслей и целомудренной жизни лежит в основе воспитания персидских девушек, которые по причине скромности, стыдливости пренебрегали подчас даже статусом жены царя. В искусстве персов нельзя увидеть ни одного изображения женского образа, ибо и семья девушки не позволит ей быть, говоря современным языком, моделью для скульптора или художника, и сама девушка в силу самоуважения не унижится до работы моделью. Кроме того, художник-перс не возьмется изображать или ваять женский образ по причине почтения к человеческому достоинству. Среди многочисленных рельефов в Персеполе встречаются настоящие произведения искусства, полные религиозного и государственного пафоса, но среди них нет ни одного женского изображения. Даже в период исламизации Ирана, когда зороастризм изживался, а ислам в сознании персов еще полностью не утвердился, в рукописных книгах появившиеся миниатюрные изображения женского образа носили таинственно-благочестивый характер. Ранние сохранившиеся миниатюры, в которых есть изображения женского образа, датируются концом XII – началом XIII вв. [10, с. 66–67].

Надо отметить то, что в зороастризме существует свадебный обряд и «Свадебная гата» [5, Ясна, 53]. Принято считать, что она была составлена Заратустрой по поводу бракосочетания его самой младшей дочери Поручисты с Ямпасой. В ней подчеркивается святость брака, а в окончании гаты запрещается развод. Существовало предписание относительно брака, гласившее, что должно выдавать замуж девушку здоровую и девственную – сестру или дочь – украшенную серьгами, по достижении 15 лет, за правоверного [8, с. 37]. Половые отношения вне законного брака в зороастризме преследуются, а обоим провинившимся полагается 800 ударов кнутом, что равнозначно смертной казни и для мужчины, и для женщины. В зороастризме строго запрещено выдавать девушку замуж за того, кто почитает дэвов – такой брак приводит к смешению

добра и зла. Поэтому браки должны заключаться между духовно родственными людьми [13, р. 114–118].

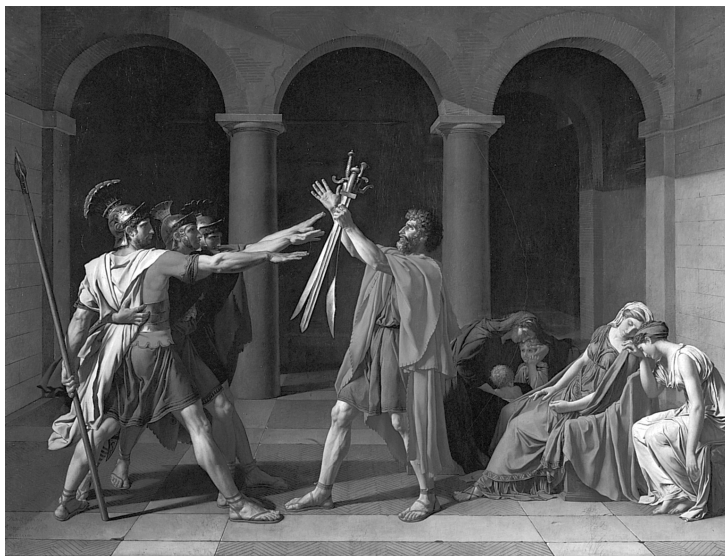
Идея целомудрия, материнства и женской чести выражалась в облике богини Анахиты, или, как ее величают в Авесте, Ардви-Суры. В Авесте отмечается тварность ее природы, то есть она была создана, сотворена.

Таким образом, этические принципы в зороастризме приобрели божественный смысл, когда понятия «добро» и «зло» обрели обличье в богах-творцах мира Ахура-Мазде и Ангра-Маинйу. Три закона зороастризма – благая мысль, благое слово, благое дело – пронизывали всю деятельность человека от его рождения до самой смерти. Новаторская эсхатологическая система, предложенная Зоростром, как бы обосновывала необходимость для каждого вести праведный образ жизни – пророка честным и верующим людям рай, а нечестивым – ад. Система морально-этических норм в ахеменидском обществе, регулировавшая все важнейшие жизненные процессы зороастрийцев, строилась на идее противостояния в человеке добра и зла. То есть понятия «честь» и «бесчестье» – то же добро и зло, только в мире людей.

Литература

1. *Антидэвовская* надпись Ксеркса // Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. – М., 1950.
2. *Бехистунская* надпись // Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. Струве В. В. – М., 1950.
3. *Бойс М.* Зороастрийцы: Верования и обычаи / М. Бойс. – М., 1988.
4. *Васильев Л. С.* История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество) / Л. С. Васильев. – М., 1983.
5. *Гаты Заратуштры* / Пер. И. М. Стеблин-Каменский [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031039/Steblyn-Kamenskiy_-_Gaty_Zaratushty.html/. Доступ – 14.04.2015 г.

6. *Геродот*. История в 9 книгах / Пер. Г. А. Стратановского [Электронный ресурс] / Геродот – Режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/index.shtml/>. Доступ – 14.04.2015 г.
7. *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране / Е. А. Дорошенко. – М., 1982.
8. *Маковельский А. О.* Авеста / А. О. Маковельский. – Баку, 1960.
9. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов – Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/39500.shtml/>. Доступ – 14.04.2015 г.
10. *Поликарпов В. С.* Лекции по культурологии / В. С. Поликарпов. – Таганрог, 2005.
11. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира [Электронный ресурс] / С. А. Токарев – Режим доступа: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000029/st020.shtml/>. Доступ – 14.04.2015 г.
12. *Шапошников А.* Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы / А. Шапошников. – М., 2002.
13. *Maganlal A., Buch M. A.* Zoroastrian Ethics / A. Maganlal, M. A. Buch. – Baroda, 1919.

**Понятие чести (γέρας),
«ἀρετή» и героического идеала
у древних греков периода классики
и раннего эллинизма**

Коваленко Дарья Сергеевна

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории древнего мира и средних веков, IV курс

Коваленко Д. С. Понятие чести (γέρας), «ἀρετή» и героического идеала у древних греков периода классики и раннего эллинизма. Статья посвящена проблеме чести у греков и связанных с ней понятий. На основании нарративного материала было определено, что «честь» имела большое значение в общественной жизни греков периода классики и раннего эллинизма.

Ключевые слова: честь, героический идеал, арте.

Коваленко Д. С. Поняття честь (γέρας), «ἀρετή» та героїчного ідеалу в давніх греків періоду класики та раннього еллінізму. Стаття присвячена проблемі ставлення греків до честі та зв'язаних з нею понять. На підставі нарративного матеріалу було виявлено, що «честь» мала велике значення в суспільному житті греків періоду класики та раннього еллінізму.

Ключові слова: честь, героїчний ідеал, арете.

Kowalenko Darja. Der Begriff der Ehre (γέρας), «ἀρετή» und des heldenhaften Ideales bei den altertümlichen Griechen der Periode der Klassik und des frühen Hellenismus. Der Artikel ist dem Problem der Ehre bei den Griechen und verbunden mit neü der Begriffe gewidmet. Aufgrund des narrativen Materials war es bestimmt, dass «die Ehre» die große Bedeutung im öffentlichen Leben der Griechen der Periode der Klassik und des frühen Hellenismus hatte.

Die Stichwörter: die Ehre, das heldenhafte Ideal, arete.

Изучение понятия «честь» – огромное поле для исследований, в настоящей работе автор затронула лишь небольшую часть этого довольно сложного и многообразного понятия. Сложность заключается в том, что каждый народ, общество, человек по-своему трактует это понятие и понимает только то, что ближе ему самому, к тому же сложившаяся однажды система ценностных предпочтений личности и общества не остаётся неизменной. Со временем она эволюционирует, постепенно или скачкообразно. Это происходит с изменением условий жизни, ростом образовательного уровня, расширением кругозора людей, накоплением жизненного опыта и внешнеполитическими аспектами. Таким образом, появляются новые ориентации или осуществляется переоценка всей системы, многообразные аспекты которой порой довольно сложно проследить. В данной работе основное внимание сосредоточено на исследовании понятия «честь» и тесно связанных с ним понятий «ἀρετή (доблесть, добродетель)» и «героический идеал» у древних греков периода классики и раннего эллинизма.

Поскольку данная тема имеет довольно узкую направленность, имеют место некоторые трудности с историографической базой. Как таковых, специальных работ, посвященных изучению понятия «честь» в такой постановке вопроса, довольно ограниченное количество. Прежде всего, следует назвать исследования Андреева Ю. В. [1], Зайцева А. И. [8], Винничук Л. [2], Дюкарева В. [7], а также работы Лурье С. Я. [10], Фролова Э. Д. [11], Лейри М. [9]. Данное исследование основывается на нарративной традиции [3], [4]. Цель работы – изучить понятие «честь» у древних греков периода классики и раннего эллинизма.

Начать следует с самого определения понятия «честь». В этом вопросе автор полностью разделяет точку зрения В. И. Даля, который говорит, что «честь» это комплексное этическое и социальное понятие, связанное с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство. Честь может восприниматься как относительное понятие, вызванное к жизни определёнными культурными или социальными традициями, материальными причинами или персональными амбициями. С другой стороны, честь трактуется как изначально присущее человеку чувство, неотъемлемая часть его личности.

Словарь В. И. Даля, отражая это разделение, определяет честь и как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистую совесть», и как «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое». Таким образом, мы видим, что «честь» – это морально-этическое понятие, которое отражает в себе ценностные ориентации и критерии общества (в данном случае древнегреческого общества), без понимания которых мы не можем претендовать на понимание поведения людей исследуемой эпохи.

Начнем с рассмотрения понятия чести у героев и т. н. «героического идеала». Наиболее полное воплощение этого понятия содержится в гомеровских поэмах. По сути имен-

но герои – это воплощение идеала, «носители» чести. Честь (γῆρας) – самое сокровенное и ранимое место героя [1, с. 15]. Честь имела большое значение для героя. Она – решающая причина потрясений в мире героев. Сюжетной основой «Илиады» является ссора между Ахиллесом и Агамемноном, которая возникла из-за того, что Агамемнон обесчестил Ахиллеса. О том, как восприняли это окружающие, говорят слова Нестора, обращённые к Агамемнону [4, IX, 110–111].

Герои жаждут пожизненных почестей и посмертной славы, причем последнее для них особенно важно, но вместе с тем они опасаются порицаний и позора, всего того, что может запятнать их честь. Что интересно, в гомеровское время «честью» могли обладать лишь выходцы из аристократического сословия [1, с. 16]. Таким образом, можно отметить, что достичь героического идеала мог лишь представитель узкого круга аристократических семей, образующих благородное сословие героев. Ещё одной характерной особенностью героики гомеровского периода является отсутствие в действиях эпического героя какой-либо жертвенности.

Несмотря на некоторые изменения в системе ценностей древнегреческого общества ориентация на снискание славы (κλέος) остаётся доминирующей до конца античной эпохи [9, с. 76]. В послегомеровское время (VII–VI вв. до н. э.) и классический период можно отметить эволюцию в определении самого идеала. Уже в эпоху ранней классики представления об обладателях героического идеала меняются – в период развития демократии и относительного равенства всех граждан его носителем мог стать каждый свободный член гражданской общины-полиса [3, IX, 71; IX, 73]. Более того, прослеживается эволюция в определении самого идеала: если ранее он связывался с представлениями о личной славе и успехе, то теперь он отождествляется с патриотизмом и деятельностью во благо отечества, причём интересно, что нередко под ним подразумевается вся Эллада, а не отдельный полис [3, IX, 45, 48, 72, 101].

Отнюдь не стремление к славе движет афинскими тираноубийцами Гармодием и Аристокитоном, пожертвовавшими жизнью ради избавления сограждан от ига тирании. То же можно сказать и о царе лакедемонян Леониде, желавшем славы только Спарте и отпустившем ради этого союзников из Фермопильского ущелья. Еще одним аспектом героического начала является отмечаемый многими учеными и специально исследованный А. И. Зайцевым [8] агональный дух. По его мнению, издревле заложенный в этническом характере древних греков агональный темперамент в эпоху классики становится мощным ускорителем культурного процесса. Стремление к первенству и жажда славы перестают быть достоянием узкого круга аристократических фамилий и охватывают все греческое общество сверху донизу, рождают в душах людей высокую потребность творческого самовыражения и подлинно героическую готовность идти до конца в отстаивании своих идеалов или служении своему долгу. Таким образом, в эволюции героики хорошо прослеживаются два этапа её развития. На первом этапе честь, слава и мужество, присущие героическому идеалу, были доступны лишь узкому кругу героев-аристократов. Практически отсутствовало понятие патриотизма и служения обществу, каждый герой, хоть и зависел от общественного мнения, был, в сущности, эгоистом, стремящимся достичь собственного «бессмертия» за счёт героических поступков. На втором этапе происходит смещение акцентов в сторону гражданского долга и ответственности перед обществом, патриотизма и служения отечеству. Однако сохраняются и некоторые черты континуитета между эпохами. Так, по-прежнему важное место в системе ценностей греков занимают понятия о личной чести и храбрости [3. VII, 16; IX, 53; IX, 60].

Важное место в греческой аксиологии занимала также такая нравственная категория как – *ἀρετή* (доблесть, добродетель). Первоначально ещё в гомеровскую эпоху «аретэ» значило мужество, силу, ловкость, выносливость, практиче-

ский разум и даже красоту и обходительность – всё, что необходимо было древнему греку для того, чтобы выделиться среди других, прославиться, быть увековеченным рапсодами [6]. Ἄρετή – доблесть, должна быть оценена окружающими, в первую очередь равными по общественному положению. Оценка эта обеспечивает герою добрую славу, к которой он больше всего стремится. Вот лишь некоторые примеры. Нестор, поняв, что в его доме только что побывала Афина, обращается к ней с единственной просьбой – о доброй славе для себя, детей и жены [3, III, 380]; Гектор мечтает о том, что и люди последующих поколений, глядя на надгробный холм убитого им противника, будут прославлять победителя, и его, Гектора, слава никогда не погибнет [3. VII, 81–91].

При всех переменах в исторических судьбах и умонастроениях древних греков эта положительная оценка славы, ориентация на ее снискание остается доминирующей до конца античной эпохи [2, с. 99; 5]. Этому, в частности, способствовала и обстановка в полисе, где гражданин мог знать если не каждого, то уж, во всяком случае, любого хоть чем-то заметного члена гражданской общины или не имевшего прав гражданства жителя города.

Спартанские цари перед сражением приносили жертвы Музам, чтобы воины совершили в битве достойные подвиги; Солон желает себе от богов счастья, а среди людей – иметь добрую славу. Аналогичное пожелание в сходных выражениях мы находим и в надписи VI в. до н. э. из Метапонта (IG, XIV, 652) [8, с. 109].

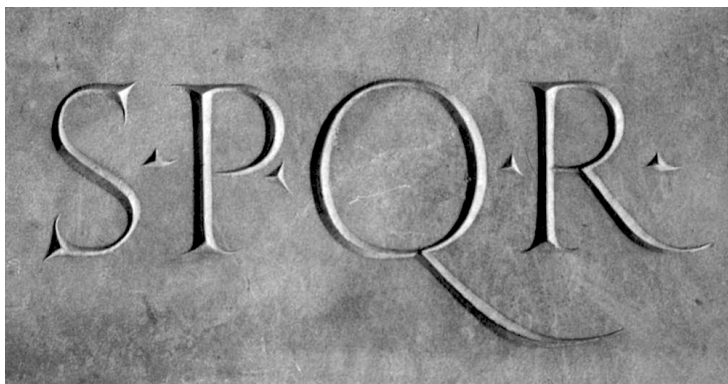
В классической Греции «аретэ» – доблесть, отождествляемая иногда со славой, по-прежнему была идеальной чертой человеческой личности, но связь этого понятия с понятием собственной пользы, личных интересов заметно ослабла [8, с. 92]. «Хороший гражданин», обладающий «аретэ», прежде всего, приносит пользу другим – своим согражданам. Немаловажным является толкование философиями понятия «аретэ». Сократ и его последователи исходили из того, что

добродетели, «аретэ», можно научиться и подобает учиться всю жизнь.

Подводя итог можно заключить, что древние греки весьма многообразно относились к понятию «честь», всеми способами пытались ее блюсти, ведь гражданин, опорочивший себя, становился своего рода изгоем. Каждый житель полиса стремился к почету и уважению, для достижения этого, они жертвовали материальным в угоду общественному. Можно сказать, что соблюдение определенного «кодекса чести» исходящего от противного, было основой общественной жизни древних греков.

Литература

1. *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии / Ю. В. Андреев. – М., 1998.
2. *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. – М., 1988.
3. *Геродот.* История / Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1999.
4. *Гомер.* Илиада. Одиссея / Пер. Н. Гнедича, В. Жуковского. – М., 1997.
5. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1984.
6. *Гусейнов А.* Античная этика / А. Гусейнова. – М., 2004.
7. *Дюкарев В.* Эволюция героического идеала в представлениях древних греков / В. Дюкарев. – Белград, 2005.
8. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Греции в VII–V вв. до н. э. / А. И. Зайцев. – СПб., 2002.
9. *Лейри М.* Раса и цивилизация / М. Лейри // Расовая проблема и общество. – М., 1957. – С. 19–75.
10. *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли / С. Я. Лурье. – М., 1929.
11. *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. – СПб., 1981.

Римські поняття honor, fides та філософія «консервативної революції»

Зайковський Сергій Олександрович

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
кафедра історії стародавнього світу та середніх віків, III курс

Заиковский С. А. Римские понятия honor, fides и философия «консервативной революции». Стаття посвящена проблеме отображения древнеримских понятий о чести философами и публицистами, что относились к направлению «консервативной революции». Вниманию сконцентрировано на творчестве О. Шпенглера и Ю. Эвола.

Ключевые слова: консервативная революция, Древний Рим, О. Шпенглер, Ю. Эвола, честь.

Зайковський С. О. Римські поняття honor, fides та філософія «консервативної революції». Стаття присвячена проблемі відображення давньоримських понять про честь філософами та публіцистами, що відносились до напрямку «консервативної революції». Увагу сконцентровано на творчості О. Шпенглера та Ю. Еволи.

Ключові слова: консервативна революція, Давній Рим, О. Шпенглер, Ю. Евола, честь.

Zayikovskiy Sergiy. Roman concepts of honor, fides and philosophy of «conservative revolution». The article is devoted to the problem of displaying Ancient Roman concepts of honor by philosophers and publicists who belonged to the movement of «conservative revolution». Attention is focused on the works of O. Spengler and J. Evola.

Keywords: conservative revolution, Ancient Rome, Oswald Spengler, Julius Evola, honor.

«**К**онсервативна революція» – одна з найбільш цікавих та оригінальних інтелектуальних течій ХХ-го століття. Мислителі, яких до неї відносять, стояли у витоків багатьох шкіл та напрямів історії, філософії, соціології, без яких важко уявити цілісний спектр сьогоденних гуманітарних знань. До «консервативних революціонерів» зараховують одного з засновників цивілізаційного підходу до історії – О. Шпенглера, філософа М. Хайдеггера, медієвіста Е. Канторовича, відомих письменників та поетів Е. Юнгера і Ш. Георга, певний час ідеї «консервативної революції» підтримував і Т. Манн [6, с. 336]. «Консервативна революція» являла собою цілий комплекс світоглядних імперативів, що радикально протиставлялися «модерним» цінностям Заходу. Розчарування в сучасності змушувало представників цього руху шукати орієнтири в минулому, чому чудово слугували Античність та Середні віки.

Воїнський, аристократичний дух зближує «консервативних революціонерів» з давніми римлянами. Для останніх війна була наріжним каменем суспільно-політичного життя.

Персоніфікованій «Вірності» (в першу чергу – вірності імператору та товаришам по зброї) – «Fides» та «Честі» – «Нопог» поклонялися, споруджували храми, приносили жертви. Апологія римського патріотизму – це апологія воєнної доблесті, що цінилася значно вище, ніж мирне життя [3, р. 35]. У відповідь тенденціям «сучасного світу», світу раціоналізму, матеріалізму та нехтування героїки, взамін якій приходить повільна та нерозважлива доба торговців та комерсантів, «консервативні революціонери» проголошують, подібно давнім римлянам, абсолютну цінність бойового братерства (адже більшість представників руху були солдатами, що пройшли через шанці Першої світової війни), сакральність авторитету та ієрархії, підносять до рангу божества війну та воєнну доблесть [5, с. 155].

Сьогодні ідеї «консервативних революціонерів» починають поступово виходити за межі вузького кола дослідників. З їх поширенням росте і актуальність вивчення «консервативної революції», її внеску у розбудову гуманітарних наук XX ст. Темою дослідження є відображення представниками «консервативної революції» (для розгляду обрано творчість О. Шпенглера та Ю. Еволи) образу давнього Риму та його військових традицій.

Вивчення феномену «консервативної революції» на пострадянському просторі розпочалося наприкінці 1990-х років. За цей час, переважно у Росії, склалася ціла плеяда дослідників, серед яких варто відмітити А. М. Руткевича [7] та О. Ю. Пленкова [6]. Цікавлять вчених здебільшого політичні погляди представників руху. Сюжети, пов'язані з місцем у світоглядних схемах «консервативних революціонерів» окремих історичних епох здебільшого залишаються недослідженими. Поруч із цим активізується перекладацька діяльність. Якщо безпосередньо після розпаду радянського союзу існував переклад лише першого тому фундаментального твору О. Шпенглера «Присмерки Європи», що вийшов у 20-х роках та був недоступним для широкого загалу, то сьогодні на російську мову

перекладено майже всі праці автора. На початку 2000-х років російською мовою почали масово видаватися роботи Е. Юнгера, А. Моллера ван ден Брука, Ю. Еволи та інших корифеїв «консервативної революції», що значно спрощує вивчення напряду. Значно гірше для російськомовного читача висвітлена історіографія питання – жодна з ключових праць, посвячених проблемі «консервативної революції», серед яких в першу чергу варто згадати роботи А. Молера [4] та Ш. Бройера [1], досі не була перекладеною. Головним джерелом, у нашому випадку, виступають саме твори обраних до розгляду авторів.

Перший з двох обраних нами авторів – О. Шпенглер. Широкому загалу він відомий як автор фундаментальної праці по морфології світової історії – «Присмерк Європи». У ній він закріпив основи так званого цивілізаційного підходу до вивчення історії людства. Згідно з О. Шпенглером, кожна цивілізація – свого роду біологічний організм, що народжується, розвивається та помирає. З огляду на це, він намагався відстежити певні паралелі між ходом історичного розвитку різних цивілізацій, встановити закони та принципи їх розвитку. Одним з таких законів він називає перехід від «культури» до «цивілізації». Це – завершальний етап розвитку будь-якої цивілізації. В той час, як «культура» несе у собі в першу чергу творчий, мистецький потенціал, «цивілізація» є переходом до політики високого стилю та імперіалістичних воєн, від «провінції» до «світової столиці». Звідси – зв'язок між Німеччиною початку ХХ ст. та Римської імперією.

О. Шпенглер – не просто філософ, сучасниками він сприймався в першу чергу як публіцист та політик. «Політика у вищому сенсі – це життя, а життя – це політика», проголошує він [10, с. 417]. Особливо популярним в широких колах був памфлет «Пруський соціалізм», що вийшов у 1918 році [11]. Його ключовою ідеєю є перехід «фаустівської» цивілізації до її завершального етапу та описи грядущого «цезаризму». Саме в цьому творі автор найбільш широко розкриває своє ставлення до Римської імперії, в той час як сюжети, пов'язані з Антич-

ністю у «Присмерку Європи» є здебільшого полемікою автора з філологами-класиками та антикознавцями щодо внеску класичної давнини у становлення західного світу. Переходу до «цивілізації» передують жорстокий двобій між двома внутрішніми формами кожної культури. У випадку з «аполонічною» культурою – це боротьба між прихильниками еллінізму та латинства, у випадку з «фаустівською» – між пруським, лицарським та колективістським началом і індивідуалістичним духом Англії. Сам автор був, без сумніву, прихильником саме пруського начала, ідеологом та вдохновителем багатьох націоналістичних угруповань, послідовним англофобом та реваншистом. Англія для О. Шпенглера – це уособлення ненависного «сучасного світу». Домінуючим типом мужності в цьому світі є не воїн, що ризикує своїм життям на благо держави, а торговець, вдалий бізнесмен та підприємець. Схильність до ризику заради слави замінюється схильністю до накопичення коштів. У переможному ж марші пруських колон йому вбачався відгомін триумфу легіонів Цезаря. У тексті «Пруського соціалізму» можна знайти масу паралелей між німцями та римськими воювачами, солідаризм та мужність римлян виступають своєрідним орієнтиром для німців.

Подібне бачення проблеми знаходимо і у італійського філософа Ю. Еволи. Давньому Риму він присвятив значну долю своїх творів, в той час як німецькі «консервативні революціонери» здебільшого концентрувалися на середньовічних образах та сюжетах, що пробуджували у них спогади про «давньогерманську» традицію. Поет-дадаїст, офіцер артилерії, філософ-традиціоналіст та один з очільників правої інтелектуальної опозиції в Італії при Муссоліні – Ю. Евола був однією з найцікавіших постатей свого часу. Активна, «войовнича» позиція Ю. Еволи визначила долю його творів: один з перших серйозних дослідників буддизму та даосизму, він так і не став частиною «академічної» науки, будучи поруч із цим своєрідною іконою для різноманітних політичних угруповань.

Ключове місце у творчості Ю. Еволи належить останньому римському імператору, що сповідував язичництво – Юліану Відступнику. Позиціонуючи себе саме як язичника, мріючи про відродження традиційних європейських вірувань, Ю. Евола не міг не звертатись до цього образу. Багато в чому пієтет по відношенню до язичницького імператора завдячував зацікавленості автора у творчості Д. Мережковського [2, р. 26]. Свої ідеї щодо реорганізації європейського суспільства Ю. Евола виклав у праці «Язичницький імперіалізм» [12], що вийшла у 1928 році. У своїх побудовах він йде значно далі, ніж О. Шпенглер: Римська імперія є своєрідною матрицею всієї європейської цивілізації. Після занепаду, спричиненого відповідно християнством та Просвітництвом, весь континент мусить об'єднатись у нову Імперію, побудовану на тих же принципах, що і попередня [12, с. 36]. Відзначився Ю. Евола також і тим, що багато працював над дослідженням мітраїзму задля відродження цієї форми релігії. У своїй автобіографії «Шлях кіноварі» він згадував про спроби проведення містерій у катакомбах Риму [2, р. 91]. Мітраїзм як релігія римських воїнів, на думку Ю. Еволи несла у собі ті принципи священної солідарності, які мали стати підвалинами побудови нової Європи.

Таким чином, ми спробували в загальних рисах простежити тенденції зображення давнього Риму та його ментальних традицій, пов'язаних з честью та війною, «консервативними революціонерами». Сконцентрувавшись на двох авторах, що належали до даного напрямку, ми прийшли до висновку, що їх уявлення про честь значною мірою ідентичне уявленню про честь у давніх римлян. Останні були не просто зразком для «консервативних революціонерів» – вони намагалися встановити певну духовну спадкоємність з найвеличнішою імперією Заходу, проголошували необхідність прямого відродження принципів, якими керувалися давньоримські воїни.

Література

1. *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt, 1995.
2. *Evola J.* The Path of Cinnabar / J. Evola. – L., 2009.
3. *Lendon J. E.* Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World / J. E. Lendon. – Oxford, 1997.
4. *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932 / A. Mohler. – Graz, 2005.
5. Михайловский А. В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге / А. В. Михайловский // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 149–160.
6. Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм / О. Ю. Пленков. – СПб., 1997.
7. Руткевич А. М. Консерваторы XX века / А. М. Руткевич. – М., 2006.
8. Шпенглер О. Годы решений / О. Шпенглер. – М., 2006.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Т. 1. – М., 1998.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Т. 2. – М., 1998.
11. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / О. Шпенглер. – М., 2002.
12. Эвола Ю. Языческий империализм / Ю. Эвола. – М., 1990.

Проблема чести в средневековой Руси XI–XII вв.

Ежков Никита Юрьевич

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории России, IV курс

Ежков Н. Ю. Проблема чести в средневековой Руси XI–XII вв. Статья посвящена проблеме чести в древнерусском государстве XI–XII вв. На основании изучения источников и анализа литературы была выдвинута точка зрения, что честь в средневековой Руси имела как материальную, так и идеальную выраженность. Также осуществлена попытка объяснить некоторые особенности понятия «честь» в более поздний период исходя из особенностей ее существования в XI–XII вв.

Ключевые слова: честь, средневековая Русь, вещь, почет, слава.

Ежков М. Ю. Проблема чести в средневеочній Русі XI–XII ст. Стаття присвячена проблемі чести в давньоруській державі XI–XII ст. На підставі вивчення джерел і літератури була висунута точка зору, що честь в средневеочній Русі мала як матеріальну, так і ідеальну вираженість. Також здійснена спроба пояснити деякі особливості поняття «честь» в більш пізній період виходячи з особливостей її існування в XI–XII ст.

Ключові слова: честь, средневеочна Русь, річ, шана, слава.

Yezhkov Nikita. The problem of honor in medieval Russia XI–XII centuries. The article deals with the problem of honor in the Old Russian State XI–XII centuries. Based on the study of sources and analysis of the literature it has been put forward the view that honor in medieval Russia had both material and ideal expression. Also made an attempt to explain some features of the concept of «honor» in the later period based on the characteristics of its existence in XI–XII centuries.

Keywords: honor, Medieval Russia, thing, fame.

В момент нашого звернення к проблеме чести сложно однозначно сказать, с чем мы сталкиваемся: с идеальным или материальным / с духовным или вещественным. Точки зрения на честь как объект исследования настолько противоположные, что в некоторых случаях невозможно полностью понять, о чем идет речь. Прежде всего, эта сложность связана с непрерывным развитием языка: смыслы, которыми в разное время наделяли понятие «честь», отличаются друг друга, и создают ситуацию неочевидности «чести» как объекта, его постоянного ускользания. В первую очередь это касается изучения элементов, какими их видел П. Бицилли [1], и категорий средневековой культуры, какими их представлял А. Гуревич, по мнению которого «эти категории запечатлены в языке, а также в других знаковых системах» [3, с. 16].

Историография проблемы чести в средневековой Руси достаточно четко демонстрирует всю сложность рассматриваемого вопроса. Статья Ю. Лотмана «Об оппозиции «честь»

и «слава» в светских текстах Киевского периода» [8], написанная в 1967 г., сразу вызвала научный интерес и стала причиной настоящей дискуссии, начало которой было положено написанной в ответ на работу Ю. Лотмана статьей А. Зимина «О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода» [5], где автор критикует мысль Ю. Лотмана о том, что честь в древнерусском государстве эпохи написания текста «Слова о полку Игореве» имела ярко выраженную социальную окраску и могла быть применима только по отношению к младшим феодалам. Ю. Лотман в ответ на точку зрения А. Зимина написал еще одну статью, уточнив некоторые свои взгляды и в целом оставшись на прежних позициях. В современной историографии можно выделить ряд статей, в которых авторы продолжают изучать феномен чести в средневековой Руси. Среди этих работ стоит выделить статьи Л. Черной [17], Н. Коллманн, П. Стефановича [16] и О. Кошелевой [6]. Перечисленные исследователи по-своему продолжают спор, начатый Ю. Лотманом и А. Зиминим, чаще отдавая должное убеждениям последнего, взгляды же Ю. Лотмана признаются ими не полностью аргументированными и объективными. Статьи Л. Черной (эту работу в большей степени можно считать филологической) и П. Стефановича построены на большом количестве источников и достаточно полно освещают особенности использования в древнерусском государстве понятия «честь», сферы ее распространения и особенности эволюции, однако критика идей Ю. Лотмана в некоторых случаях кажется неаргументированной и иногда не полностью логичной. То же можно сказать и о работах Н. Коллманн и О. Кошелевой – в первом случае автор критикует мнение Ю. Лотмана, но не отказывается от того, что честь в XI–XII вв. указывала и на определенный социальный статус, а во втором – и вовсе спор Ю. Лотмана – А. Зимина объявляется завершенным в пользу А. Зимина. Мы же настаиваем на том, что этот спор отнюдь не завершен, и на том, что, скорее всего, понятие «честь» в средневековой Руси носило как иде-

альную, так и материальную нагрузку. В какой мере, на наш взгляд, проявлялись обе эти нагрузки, мы скажем ниже.

В ходе написания статьи использовались разные виды источников, однако основное внимание было уделено анализу художественных произведений того времени, в первую очередь – «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве».

По всей видимости, в средневековой Руси XI–XII вв. концепт «честь» имел материальную, социальную и в некоторых случаях сакральную нагрузки, и лишь в исключительных – морально-этическую, привычную и более или менее устоявшуюся сегодня. Тяжелее всего сделать какие-то выводы о социальной нагрузке понятия «честь». Как мы уже говорили, Ю. Лотман был сторонником той точки зрения, что «честь» в памятниках древнерусской литературы используется только по отношению к вассалам, подчиненным своему феодалу [8, с. 111, 113–115]. Слова «ищучи себе чти, а князю славы» из «Слова о полку Игореве» представлялись ему формулой, соответствующей реальным взаимоотношениям между вассалом и феодалом. Похожий взгляд, указывающий на обладание честью как указание на социальный статус, можно встретить и в «Изборнике» 1076 г. Таким образом, честью мог обладать только подчиненный феодалу, феодал в свою очередь мог обладать тем, что не имело какой-либо материальной нагрузки – славой. Неслучайно в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского «слава» приобретает неожиданное значение – «слово» [14, с. 404–406]. «Слава» и «слово» – нематериальны, бесценны и поэтому связываются только с высшими общественными группами. Не исключено, что даже название сочинения «Слово о полку Игореве» может пониматься как «Слава о полку Игореве». Такую ситуацию могло создавать строгое следование социальной иерархии, которая, безусловно, была одной из важнейших черт средневекового общества. Однако другие источники доказывают, что честью могли обладать не только вассалы. Старославянский словарь по рукописям X–XI вв. трактует «честь» как почет, уважение,

почтение, достоинство [15, с. 786–787], которые могли быть связанными и с самими феодалами, и с остальными членами общества, что, например, доказывают слова из «Повести временных лет» «мы же, хрестьяне суще, не воздаем почести...» [11, с. 89]. В данном случае «хрестьяне» это размытое с социальной точки зрения сообщество, но указывающее на то, что оно могло объединять всех, а «почести» выступают синонимом «чести», обозначая как «почет» и «уважение», так и материально выраженную награду. Вообще «честь» в памятниках древнерусской литературы балансирует между духовным и вещественным, часто одновременно выражая и то, и другое. В «Договоре Руси с Византией» X в. царь Леон отпускает русских послов «в свою землю с великою честью [4, с. 14]». Скорее всего, здесь «честь» можно воспринимать и как почести / материально выраженная награда, и как почет и уважение. Однако в большинстве случаев «честь» все-таки тяготеет к обозначению вещественного. По тонкому наблюдению Ю. Лотмана «честь» в светских текстах киевского периода чаще всего берут или дают [7, с. 123], т. е. с ней обращаются как с вещью. В «Повести временных лет» княгиня Ольга так обращается к древлянам: «Любезна мне речь ваша, мужа моего уже не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими» [11, с. 238]. Здесь идет речь исключительно о материальном вознаграждении, так же как и в словах Владимира Блуду, воеводе его брата Ярополка: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня» [11, с. 252]. Примечательно, что здесь рядом стоят «почитать» / т. е. уважать и «честь», которая в связке с «почитать» может значить только одно – щедрое материальное вознаграждение. Так же понимается «честь» и в сочинении «Моление Даниила Заточника», в котором автор сравнивает честь с богатством и материальным вознаграждением [10]. Строгая регламентация средневекового общества, четкое следование ритуалам как еще одни важнейшие особенности этого периода, были при-

чиной очень сложных явлений, понять которые вне особенностей средневекового общества невозможно. Получение «чести» как дара, вознаграждения не было целью получающих. Более того, для них было принципиально важно избавиться от вещной выраженности вещи, т. е. награды. Иными словами, ценностью оставался сам факт получения награды, выражавший доблесть, храбрость, патриотизм, верность феодалу. Получив вознаграждение, с ним чаще всего стремились как можно быстрее расстаться – раздарить, проиграть, пропить – одним словом, уничтожить [8, с. 113].

Развитие чести как чувства собственного достоинства долгое время всеми возможными способами пресекалось государством, которое претендовало на полное подчинение себе попыток проявить и защитить свою честь самостоятельно. Еще одним сдерживающим фактором была церковь. В ее понимании честь принадлежит только Богу, проявлять же ее богобоязненному, благочестивому человеку бессмысленно. Неслучайно на Руси существовала традиция, по которой запрещалось хоронить по православному обряду скоморохов / актеров / лицедеев и дуэлянтов, посмеявшихся нарушить закон и защитить свою честь. По дуэльному законодательству Петра I дуэлянты приговаривались к смертной казни путем повешения вверх (!) ногами [12, № 3006]. Чести в сегодняшнем понимании долгое время не давали развиваться, поэтому и сохранялись материально выраженные особенности понятия «честь»: «отдать честь», «честь имею», где «честь» явно связывается с чем-то материальным. Интересно, что и оскорблялся человек вещью – бросок перчатки в лицо / личность был также действием ритуальным. Однако в XVIII–XIX вв. понятие «честь» действительно начинает приобретать новые черты. Г. Гегель называл ее романтической честью. По мнению А. Мельниковой, автора книги «Язык и национальный характер», в Россию эта романтическая честь пришла вместе с западноевропейской традицией чести и дуэли как способа ее защитить, соответственно причина такого изменения также,

по всей видимости, состоит в особенностях уже западного языка, носителями которого были представители тогдашнего российского дворянского сословия [9, с. 309–310]. Так произошла замена материальной выраженности понятия «честь» на морально-этическую. Социальная же наполненность стала еще более ярко выраженной – право на обладание честью в Российской империи имели только дворяне.

Итак, на наш взгляд, понятие «честь» в древнерусском государстве XI–XII вв. имело несколько смысловых нагрузок: материальную, социальную, религиозную и морально-этическую, однако, скорее всего, чаще всего «честь» была связана с выражением материального: дара, награды, трофея и т. д. Это позволяет нам сделать вывод, что восприятие чести в средневековой Руси балансировало между материальным и идеальным. Показательно, что во многом такое восприятие чести продолжало существовать вплоть до конца XVIII–XIX вв. – с тех пор в первую очередь честь стала восприниматься только как морально-этическая категория.

Литература

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры / П. М. Бицилли. – СПб., 1995.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М., 2002.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
4. Договор Руси с Византией X в. // Памятники права Киевского Государства X–XII веков. – М., 1952. – С. 3–73.
5. Зимин А. А. О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода» / А. А. Зимин // Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 284. Труды по знаковой системе. – Тарту, 1971. – Т. V. – С. 464–468.
6. Кошелева О. «Честь» и «порука» – гаранты доверия в России Средневековья и эпохи Просвещения / О. Кошелева

- [Электр. ресурс] – Режим доступа: http://perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/koseleva_ehre/. Доступ – 29.05.2015.
7. *Лотман Ю. М.* Еще раз об о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи в 3 т.* – Таллинн, 1992. – Т. 3. – С. 121–127.
 8. *Лотман Ю. М.* Об оппозиции «честь» и «слава» в светских текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи в 3 т.* – Таллинн, 1992. – Т. 3. – С. 111–121.
 9. *Мельникова А. А.* Дуэль в России в контексте языковой специфики / А. А. Мельникова // *Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности.* – СПб., 2003. – С. 277–311.
 10. *Моление Даниила Заточника* [Электр. ресурс] – Режим доступа: http://www.velib.com/read_book/daniil_zatochnik/molenie_daniila_zatochnika/. Доступ – 28.05.2015.
 11. *Повесть временных лет* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М., 1950.
 12. *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е.* – СПб., 1830. – Т. 5. – 728 с.
 13. *Слово о полку Игореве* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М., 1950.
 14. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка / И. И. Срезневский. – СПб., 1903.
 15. *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков). – М., 1999.
 16. *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси / П. С. Стефанович // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* – 2004. – № 2 (16). – С. 63–87.
 17. *Черная Л. А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII веков / Л. А. Черная // *Древнерусская литература. Изображение общества.* – М., 1991. – С. 56–84.

Честь тамплиеров

Батина Евгения Александровна

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории древнего мира и средних веков, IV курс

Батина Е. А. Честь тамплиеров. В статье рассматривается эволюция рыцарства и изменения составляющих понятия «рыцарская честь». Определяется роль ордена тамплиеров в процессе изменения данной идеологической концепции, как катализатора и исполнителя новых стандартов. Рассматривается влияние изменения понятия «честь» на общество.

Ключевые слова: честь, рыцарство, тамплиеры.

Батіна Є. О. Честь тамплієрів. У статті розглядається еволюція лицарства і зміни складових поняття «лицарська честь». Визначається роль ордена тамплієрів у процесі зміни даної ідео-

логічної концепції, як каталізатора і виконавця нових стандартів. Розглядається вплив зміни поняття «честь» на суспільство.

Ключові слова: честь, лицарство, тамплієри.

Batina Yevheniia. Honor of the Knights Templar. The evolution of chivalry and change components concept of «chivalry». The role of the Knights Templar in the process of changing this ideological concept, as a catalyst and performer of new standards. The influence of the change in the concept of «honor» in the society.

Keywords: honor, chivalry, the Knights Templar.

Понятие «чести» является относительным, зависящим от вариации социальных, культурных и нравственных норм определенного социума (сословия, народа, нации). Процесс создания комплекса понятия «чести» в определенной социальной ячейке зависит от ряда факторов. Рассмотрим этот вопрос на примере эволюции содержания понятия «чести» в рыцарском сословии с появлением духовно-рыцарского ордена тамплиеров.

Тема рыцарской чести рассматривается во многих работах, правда в основном литературоведческих, но и историки не обходят эту тему стороной. Можно назвать ряд исследователей занимающихся историей рыцарства в целом, таких как Кардини Ф. [5], Пастуро М. [8], Флори, Ж. [11], Хейзинга Й. [13, 14]. Работы Демурже А. [3], Мельвиль М. [7], Барбера М. [1], Воше А. [2] раскрывают историю ордена тамплиеров. Латинский [6] и Французский [12] Устав ордена тамплиеров служит основой источниковой базы исследования. Как и тракта Св. Бернарда Клервоского [4]. Цель работы – проследить эволюцию рыцарства и изменение содержания понятия «честь» с появлением ордена тамплиеров.

По своему содержанию и природе отраженного в ней нравственного отношения понятие чести аналогичное понятию достоинства. Будучи формой проявления отношения, индивида к самому себе и общества к индивиду, честь, как

и достоинство, соответствующим образом регулирует поведение человека и отношение к ней со стороны окружающих. Но в отличие от понятия достоинства понятие чести основывается не на принципе равенства всех людей в моральном отношении, а на их дифференцированной оценке (в зависимости от социального положения личности, религиозной, расовой, национальной, классовой, профессиональной и коллективной принадлежности или репутации).

Рыцарская честь для современного человека это устоявшаяся модель поведения, это идеализированный образ, запечатленный в умах многих поколений посредством художественной литературы. Рыцарь предстает в образе воплощения человеческих идеалов, норм морали и нравственности. Он пример достоинства и целомудрия, честности и справедливости, верности и благородства. Его поведение основано на кодексе чести. В ходе обряда посвящения в рыцари, посвящаемый озвучивал и клялся исполнять кодекс чести рыцаря, состоявший из следующих правил:

- будь верен Богу, государю и подруге;
- будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сирым;
- посещай обедню и подавай милостыню;
- чти женщин и не терпи злословия на них, потому что мужская честь, после Бога, нисходит от женщин.

Подобный кодекс чести встречается в художественной литературе. Документальных или юридических фиксаций его положений нет. Известный французский медиевист Мишель Пастуро заявлял что, «нужно признать, что о существовании настоящего рыцарского кодекса свидетельствует только литература. А всем известна дистанция между литературным образцом и повседневной действительностью. Да и, наконец, правила этого кодекса не одинаковы в разных произведениях, и их дух существенно изменяется в течение всего века» [8, с. 135]. Й. Хейзинга считал, что идея рыцарства, представление о войне как величественной игре чести и добродетели

являются для культуры в период ее становления формирующим и облагораживающим фактором: «Нет сомнений в том, что этот идеал рыцарской чести, верности, доблести, самообладания и чувства долга весьма существенно развивал и облагораживал те культуры, которые его почитали. И хотя он находил свое выражение по большей части в фантазии или вымысле, тем не менее, он определенно способствовал воспитанию и общественному проявлению духовных сил личности и повышал ее нравственный уровень» [13, с. 75]. Он определяет основу рыцарского этикета и этики как *showing respect* (выказывание уважения), а единственным стремлением рыцарства – престиж своей группы, повышение ранга, превосходство над остальными [14, с. 160].

Можно сделать вывод, что кодекс рыцарской чести и понимание и исполнение его самими рыцарями часто были диаметрально противоположны. Как говорить, слово расходиться с делом. В. И. Уколова утверждает что, «Рыцарские идеалы отчасти противостояли этическим принципам, диктовавшимся христианством. Гордыня, провозглашенная церковью главнейшим из смертных грехов, считалась важнейшим достоинством рыцаря. Месть за оскорбление (нередко мнимое) была законом его этики, в которой не оказалось места для христианского всепрощения. Рыцари мало ценили человеческую жизнь, свою и особенно чужую. Они привыкли проливать кровь, и война казалась им естественным делом. Пренебрежение к чужой жизни усугублялось тем, что свой этический кодекс рыцари считали необходимым выполнять только в рамках своей социальной группы. По отношению к другим – крестьянам, горожанам, купцам и им подобным – не было и речи о каком-то «рыцарском» отношении, напротив, грубость, пренебрежение, даже грабеж в таком случае считались у рыцарей «хорошим тоном» [10].

Изменения во всю эту путаницу понятия «честь» привнес первый духовно-рыцарский орден – орден тамплиеров. Орден тамплиеров просуществовал с 1119 по 1314 гг. Это была

первая рыцарская организация, что зафиксировала свой устав. И именно на основе Латинского [6], а позже и Французского Устава ордена тамплиеров [12], был создан кодекс чести Нового рыцарства, как его назвал Св. Бернард Клервоский [4, с. 127]. Духовного рыцарства, соединяющего в себе две противоположности – монаха и рыцаря. Монах – не должен был держать в руках оружия, а рыцарь не должен был его выпускать из рук. Соединение этих двух частей позволяла тамплиерам стремиться к реальному исполнению кодекса чести. Монах в тамплиере отвечал за духовные добродетели. А строгие правила и субординация в ордене, позволяли эти добродетели хранить. С появлением новой миссии у рыцарей-тамплиеров появилась и новая возможность проявить себя [2, с. 84]. Что им очень успешно удалось. За считанные годы орден приобрел колоссальную популярность, как среди рыцарского сословия, так и среди простого населения [1]. Воодушевление вокруг ордена Храма Соломона подняло его на вершину славы. Быть тамплиером было почетно, почетно было, и умереть тамплиером. Многие высокопоставленные личности средневековой Европы перед смертью вступали в орден, ради того что бы быть похороненным как тамплиер [3, с. 327]. Это лишь один пример успеха ордена тамплиеров.

Тамплиеры внесли огромный вклад в массовую культуру средневекового мира [11, с. 191]. Из всего западного войска сарацины боялись и уважали только тамплиеров, за их дисциплину, стойкость и слаженность во время сражений, за волю к победе [7, с. 156]. Тамплиеры, одни из первых в Западной Европе, внесли новое значение воинской чести. Это перестала быть индивидуальная гордость за личные подвиги. Несмотря на то, что понятие воинской чести развилось на почве чувства самолюбия. Война составляет тяжелую обязанность для человека. Она требует от него риска собственной жизнью, принесения высшего, наиболее реального блага – жизни – в жертву отвлеченному представлению об общем благе. Для выполнения функции войны необходим, следовательно, та-

кой стимул, который был бы в состоянии подавить в человеке чувство личного самосохранения. Этот стимул может иметь исключительно нравственный характер – потому что никакое реальное благо не в силах конкурировать с благом жизни, – и должен корениться в природе человека – потому что, взятый извне, он не будет обладать достаточной интенсивностью. Такой стимул был найден в почестях героям [5]. Тамплиеры же, исключили единоличные подвиги и геройствования. Почести они получали только коллективно. Так постепенно, воинская честь приобрела окраску чести корпоративной. Будучи тамплиером, он уже отвечал не только за свою личную воинскую честь, но и за репутацию и честь всего ордена. Это кардинально отличалось от вассально-ленной системы, новые требования требовали новой системы поведения. И устав ордена тамплиеров эти нормы давал [6, 12].

Анализируя устав тамплиеров можно извлечь новый кодекс чести рыцаря, более сложный и многогранный, затрагивающий не только нормы поведения, но и личностный качества, и духовную жизнь.

1. Рыцари обязаны бояться, почитать, служить, любить Бога искренно; сражаться всеми силами за веру и в защиту религии, умирать, но не отрекаться от христианства.
2. Они обязаны служить своему законному государю и защищать его и свое отечество.
3. Щит их да будет прибежищем слабого и угнетенного; мужество их да поддерживает везде и во всем правое дело того, кто к ним обратится. Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность, отсутствующих, скорбящих и бедных.
4. Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдой.

5. Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут они братски с себе равными, и гордость и сила их да не возобладают ими в ущерб прав ближнего.
6. Да не вступают они в неравный бой: несколько против одного, и да избегают они всякого обмана и лжи.
7. Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего девственного и чистого доверия малейшею ложью; да сохранят они непоколебимо это доверие ко всем и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие.
8. Да не положат оружия, пока не кончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было;
9. Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству.
10. Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, начальству их вверенными; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, который нанесет малейший вред кому бы то ни было на земле союзников.
11. Да блюдут они честно свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп, или да возвращаются по обещанию, в означенные день и час, в тюрьму, иначе они будут объявлены бесчестными и вероломными.
12. По возвращении ко двору государей, да отдадут они верный отчет о своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им пользу, королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства.

Таким образом, мы видим, что трансформация понятия «честь» изменилось в Средние века отчасти благодаря появлению духовно-рыцарских орденов. Внося новые идеологи-

ческие нормы жизни в Средние века, они меняли не только поведение рыцарей, но и отношение к ним. В художественной литературе закрепился этот идеализированный образ рыцаря, самоотверженного героя без пятна и порока. Облачение в белую рубаху – символ приближения к Богу; алая мантия или алый крест – символ пролития крови в борьбе за Святую церковь; черная обувь – память о земле, из коей человек вышел и куда вернется; обоюдоострый меч – символ справедливости, поражения порока и зла [9, с. 218]. Такой образ средневекового рыцаря запечатлелся в веках, лишь на уроках истории развивчивают этот миф и говорят об истинной сущности рыцарства. Но тот вклад в мировую культуру и эволюцию понятия «честь», которое вложило как само рыцарство, так и орден тамплиеров оценить могут лишь преемники этих идеалов и стандартов жизни. И не смотря на столь высокую планку, многие тысячи людей хранят в сердцах память о рыцарях и глубоко в душе хотят подражать их примеру.

Литература

1. *Барбер М.* Орден тамплиеров в социальном контексте / М. Барбер [Электр. ресурс] – Режим доступа: <http://www.templarhistory.ru/home.php?d6aobbtHkfzrkqWN9dVbjtKkH%26velfzr>
2. *Воше А.* Средневековая религиозность VIII–XII вв. / А. Воше // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии: Реф. сб. – М., 1980. – С. 75–93.
3. *Демурже А.* Рыцари Христа / Пер. с фр. / А. Демурже. – СПб., 2008.
4. *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах / М. А. Заборов. – М., 1977.
5. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини [Электр. ресурс] – Режим доступа: <http://tagbooks.narod.ru/Knights.htm>

6. *Латинский Устав Ордена Храма* [Электронный ресурс] // Интернет-проект «История ордена Храма» (ИПИОХ); авт. ресурса Бойчук Б. – Электрон. дан. – Одесса, 2007. – Режим доступа: http://www.templiers.info/historical_materials/index.php?id=sources_translation&sources_translation=latin_rule_of_the_templars_rus.
7. *Мельвиль М.* История ордена тамплиеров / Пер. с фр. / М. Мельвиль. – СПб., 2007.
8. *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро. – М., 2001.
9. *Рыцарские ордена. С крестом и мечем* / Под ред. А. Андреева, С. Шумова. – М., 2004.
10. *Уколова В.* Предисловие к книге Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства» / В. Уколова [Электр. ресурс] – Режим доступа: <http://tagbooks.narod.ru/Knights.htm>
11. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / Пер. с фр. / Ж. Флори. – М., 2006.
12. *Французский Устав Ордена рыцарей тамплиеров* [Электронный ресурс] / Интернет-проект «История ордена Храма» (ИПИОХ); авт. ресурса Бойчук Б. – Электрон. дан. – Одесса; ИПИОХ, 2007. – Режим доступа: http://www.templiers.info/historical_materials/index.php?id=sources_translation&sources_translation=french_rule_of_templars_rus_000.
13. *Хейзинга Й.* Homo ludens / Й. Хейзинга. – М., 1997.
14. *Хейзинга Й.* Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем средневековье / Й. Хейзинга // Человек. – 1997. – № 5. – С. 151–187.

«Мутация» японских представлений о чести при столкновении с Западом

Михалевская Екатерина Олеговна

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра новой и новейшей истории, IV курс

Михалевская Е. О. «Мутация» японских представлений о чести при столкновении с Западом. Статья посвящена проблеме развития понятий о чести в Японии в период её политической и социальной модернизации. Особое внимание в исследовании уделено роли влияния западных стран в процессе трансформаций традиционных представлений о чести.

Ключевые слова: Япония, честь, менталитет, Запад.

Міхалевська К. О. «Мутація» японських уявлень про честь при зіткненні з Заходом. Стаття присвячена проблемі

розвитку понять про честь в Японії в період її політичної та соціальної модернізації. Особлива увага в дослідженні направлена на роль впливу західних держав в процесі трансформації традиційних уявлень про честь.

Ключові слова: Японія, честь, менталітет, Захід.

Mikhalevska Katerina. «Mutation» of Japanese concepts of honor at collision with the West. The article is devoted to the development of concepts of honor in Japan during her political and social modernization. Particular attention is paid to the role of Western countries' influence to the process of transformation traditional concepts of honor.

Keywords: Japan, honor, mentality, West.

Япония, несмотря на своё стремительное экономическое и технологическое развитие, во многом всё ещё остаётся достаточно традиционным обществом. В первую очередь это проявляется в системе отношений между людьми. Можно смело говорить о противоборстве двух тенденций в современной Японии: одна предполагает следование традиционной модели поведения в социуме, другую же характеризует ориентирование на принципы евроатлантической цивилизации, которая в данном исследовании предстаёт под обобщённым названием «Запад». Именно цивилизационное столкновение с Западом – будь то принуждение к «открытию Японии» или же американская оккупация после Второй мировой войны, были факторами, которые дали импульс для развития политической и экономической модернизации Японии, но в то же время деформировали традиционный уклад общественных отношений в Японии, в том числе и в вопросах связанных с понятиями о чести.

Стоит отметить, что степень изученности японского менталитета в целом достаточно высокая, но при этом отсутствуют отдельные работы посвященные понятиям о чести и их трансформации в глобализационных процессах современ-

ности. Классическим трудом о быте японцев является книга В. В. Овчинникова [11]. Однако в этой книге, как и в большинстве других, понятия о чести в Японии находятся на периферии исследования. Фрагментарно проблему исследования затрагивают в своих статьях Н. Л. Богомазова [2], А. И. Денисова [6] и А. Н. Мещеряков [10]. В своей работе автор стремился на основе имеющейся историографии и источников провести более глубокий анализ понятий о чести и пути их условной «мутации» под натиском внешних факторов. Хронологически рамки исследования охватывают период с XVII в. – периода традиционных понятий о чести до современности. Хронологические рамки обусловлены стремлением автора продемонстрировать глубокую преемственность японских культурных идентификаторов, несмотря на технологическую и политическую модернизацию японского общества.

Говоря о понятии чести в японском обществе, прежде всего, стоит отметить, что в японском языке отсутствует слово, которое можно перевести как «честь». Наиболее близким понятием является принцип «гири» – стремление избегать прямой конфронтации. Он означает, что нельзя допускать, чтобы побежденный «потерял лицо», предстал перед окружающими униженным и оскорбленным. Ориентация на социум является одной из отличительных черт японского общества в отличие от европейского с господством индивидуализма. Это вызвано особыми условиями исторического развития характерными не только для Японии, но также и для Китая и Кореи [1, с. 38]. Однако стоит отметить, что в Японии индивидуализм развит сильнее, чем в Китае, но всё же значительно слабее, чем в западных обществах.

Понятия близкие с «честью» в Японии традиционно связываются с кодексами самураев, как наиболее яркими примерами. Большинство исследователей связывают кодексы самураев со сборником комментариев самурая Ямамото Цунэтомо. Данное произведение начала XVIII в., получившее название Хакагурэ [8, с. 128] («Сокрытое в листе») практически стало

посланием каждому воину. Его влияние невозможно переоценить, поскольку и по сей день японские радикально настроенные политические деятели приводят Хакагурэ как пример для истинного воина. Трактат о бусидо – кодексе чести самурая предполагает, что воин должен быть готов умереть в любой момент, дабы не посрамить свою честь. С этим же связан и обряд сэппуку – харакири, который проводился с целью сохранить своё доброе лицо в глазах японского традиционного общества. При этом можно поставить под сомнение тот факт, что Хаканурэ отражало реальное состояние вещей в Японии, и не было лишь идеологическими изысканиями.

Бусидо ставило выше всего преданность, однако, во время борьбы за власть между даймё самураи неоднократно переходили на службу к другому князю. Более того, зачастую самураи служили за рисовый паёк, и в данном контексте сложно с уверенностью говорить о степени преданности наёмных воинов. Хакагурэ стало активно публиковаться уже в 30-е гг. XX века, в период прихода к власти в Японии военных и курса страны на милитаризацию и новые захватнические войны [4, с. 68]. Таким образом, тот контекст, в котором свод Хакагурэ обрёл популярность, позволяет судить о том, что «Сокрытое в листе» использовалось как один из инструментов политического влияния и понятия о чести играли в этом не последнюю роль. Известная японская пословица «Самурай холоден, как его меч, хотя и не забывает огня, в котором этот меч был выкован» как нельзя точно описывает японское общество, в котором самообладание и сдержанность считаются первыми признаками храбрости и воинской чести [6, с. 26].

Стоит отметить, что «открытие» Японии Соединёнными Штатами в 1853 г. и последовавшие за этим неравноправные договоры, по мнению ряда исследователей, зародили в японском обществе довольно таки упаднические настроения. Это было связано не в последнюю очередь с предубеждениями иностранцев относительно японцев. Возлагая на себя «бремя белого человека» европейцы и американцы, на дипломатиче-

ском уровне воздая все почести Японии, в реальности относились к японцам снисходительно [10, с. 33]. Это породило стремление среди японцев «сохранить лицо» перед иностранцами и не допустить практические полного подчинения, как это произошло с Китаем.

Трансформация японских понятий о чести произошла в конце XIX – начале XX века. Это было связано со стремительными успехами Японии, как в промышленном развитии, так и ряде удачных войн, прежде всего с Китаем. Именно конец XIX – начало XX века является наиболее активной фазой складывания особого японского национализма, который тоже можно отнести к своеобразным проявлениям чести. Так, в Японии полагали, что китайцы и корейцы, против которых велись войны и репрессии вплоть до середины XX века, не являются равными японцам, а Азиатский регион должен управляться исключительно Японией [4, с. 109; 5, с. 135]. Особенного внимания заслуживает эпизод, произошедший во время обсуждения законов в США относительно ограничения японской миграции в 1908 г. Японские представители назвали «оскорблением чести» то факт, что американская администрация намеревалась установить для японцев те же миграционные нормы, что и для китайцев. Данный факт может ярко свидетельствовать о том, что в этот период понятия о чести в Японии включали в себя как некий элемент кодекса бусидо – относительно военной чести и верховенства Японии среди других азиатских государств, так и тот самый принцип «гири» – о гармонии внутри японского общества. При этом показательно, что именно в этот период Англия, США, Германия и Франция стали относиться к Японии как к действительно новой «великой державе» [12, р. 203]. Это было продиктовано, прежде всего, военными успехами Японии, которые были предметом национальной гордости.

Как уже говорилось, с укреплением у власти в Японии военных кругов в 30-е гг. XX века, в обществе доминировали тенденции связанные именно с военными представлениями

о чести, в то время как принцип гири, хоть и неуклонно соблюдался, но всё же был отодвинут на второй план. Популяризация Хакагурэ соответствовала стремлениям японского правительства подготовить общество к войне в Китае и против США. Нельзя отрицать, что и феномен камикадзе – лётчиков, добровольно шедших на смерть, тоже прямо связан с японскими представлениями о чести, почерпнутыми из самурайских кодексов [4, с. 301]. При этом не стоит считать, что данные понятия характерны исключительно для Японии: смерть на войне имеет особое значение как в западноевропейских, так и славянских традициях и является неотъемлемой частью военной чести, распространенной в наиболее разнообразных культурах мира. Однако именно в Японии воинская честь стала культом практически на государственном уровне. Следствием этого стала волна самоубийств среди японских военных и политиков после того как император Хирохито в 1945 г. отказался от божественного происхождения своей власти [13, р. 172]. В обществе это было расценено как посягательство на основы японской государственности, а реформы американской оккупационной власти в ещё большей степени «ранили честь» японской нации. Это вылилось и в партизан-одиночек, которые, несмотря на капитуляцию Японии, продолжали вооружённое сопротивление. Наиболее известным примером этого является Хироо Онода, который до 1975 г. продолжал партизанскую деятельность на Филиппинах. Более того, именно в период американской оккупации в полной мере реализуется принцип «по выступающей шпале молотком бьют», в котором проявляются элементы понятий гири относительно общественного равенства в целях гармонии. При этом стоит отметить, что слово «аригато», которое традиционно переводится как «спасибо», буквально означает «Вы ставите меня в неловкое положение» [6, с. 24]. Данная черта японского менталитета сохраняется до сих пор – для японца чья-то помощь является свидетельством его собственной слабости, а следовательно прямо задевает честь.

Одним из наиболее ярких проявлений чести, связанной с самурайскими принципами стала попытка захвата государственной власти Юкио Мисимой. Мисима был трижды номинирован на Нобелевскую премию и олицетворял для Запада послевоенную японскую литературу. Он в полной мере сочетал в себе западный индивидуализм и восхищение самураями и камикадзе. В 1970 г. Юкио Мисима с членами «Общества щита» во время визита на базу сухопутных войск призвал солдат свергнуть правительство и восстановить полную власть императора [14, р. 278]. Однако солдаты полностью проигнорировали этот призыв – это свидетельствовало о том, что японское общество после трагического поражения во Второй мировой войне предпочло отказаться от военной чести как понятия определяющего государственную политику. Неудача замысла Юкио Мисимы привела к тому, что он совершил харакири на глазах множества солдат. На Западе он стал практически «последним самураем», олицетворив в себе всю противоречивость послевоенной Японии.

Таким образом, менталитет японцев, наряду с понятиями о чести, переживал лишь внешнюю «мутацию», в то время как его основа оставалась нерушимой и не менялась на протяжении веков. Это, в целом, характерно для всей японской цивилизации, которая всегда отличалась особой восприимчивостью к заимствованиям, сумев при этом сохранить свою самобытность. Японию называют «Европой, причалившей к берегам Китая», и в современных условиях стратегического партнёрства с Соединёнными Штатами данная точка зрения находит своё подтверждение. Однако, несмотря на то, что Япония в значительной степени выбивается из системы дальневосточных цивилизаций, её нельзя рассматривать в отрыве от культурных процессов в Китае, поскольку многие элементы строя (особенно в средневековье) Япония заимствовала именно из Поднебесной. Можно смело говорить о том, что особые понятия о чести, как и в целом японский менталитет, являются результатом заимствования из различных культур и цивилизаций.

В современности, в условиях всеобъемлющей глобализации, не только в Японии, но и во всём мире наблюдаются процессы, как нивелирования национальной идентичности, так, и с другой стороны, стремление в полной мере сохранить национальные особенности. В Японии, в вопросах связанных с традиционной трактовкой чести, это проявляется, прежде всего, в деятельности отдельных националистических групп, которые протестуют против «американского протектората над Японией». При этом, крайне слабая общественная поддержка таких протестов ярко свидетельствует о том, что всё-таки понятия о военной чести окончательно потеряли популярность в японском обществе. В это же время, принцип «гири» наоборот всё ещё остаётся центральным в поведении японцев. Это проявляется и в широком распространении самоубийств (особенно среди японской молодёжи) в лесу Аокигахара у подножья горы Фудзи – в этом удивительным образом сочетается традиционное желание японцев не причинять окружающим неудобств (даже своей смертью) и самурайский принцип о принятии смерти в случае посрамления чести.

Таким образом, можно смело говорить о том, что понятия чести, как и в целом, японский менталитет, несомненно, трансформировались под воздействием западного мира: это проявлялось как в ходе откровенно агрессивных действий, так и результате воздействия так называемой «мягкой силы», когда Япония сама стремилась перенять отдельные черты евроатлантической цивилизации. В то же время эти изменения затронули лишь поверхность, в то время как основа мировоззрений японцев, особенно в понятиях близких к чести, характеризуется вековой незыблемостью. В сочетании с заимствованиями в процессах политической и экономической модернизации традиционность общественных отношений позволяет говорить об уникальности японского образа жизни.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Западно-восточные размышления, или о несходстве сходного / С. С. Аверинцев // Восток-Запад. – М.: Наука, 1988. – С. 37–39.
2. *Богомазова Н. Л.* Отражение философии кодекса чести «бусидо» в японском менталитете: традиции и современность / Н. Л. Богомазова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 3–9.
3. *Васильева Е. Б.* Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев / Е. Б. Васильева // Известия Восточного института. – 2002. – № 6. – С. 49–63.
4. *Верисоцкая Е. В.* Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX – начале XX века / Е. В. Верисоцкая. – М., 1990.
5. *Верисоцкая Е. В.* Российская и японская интеллигенция XIX века о проблемах европеизации / Е. В. Верисоцкая // Известия Восточного института. – 1994. – № 1. – С. 130–139.
6. *Денисова А. И.* Культурные предпосылки японской сдержанности / А. И. Денисова // Аналитика культурологии. – 2012. – № 23. – С. 24–28.
7. *Иэмагава Сабуро.* История японской культуры / Пер. с японского. – М., 1972.
8. *Кодекс бусидо.* Хагакурэ. Сокрытое в листве / Пер. с японского. – М., 2004.
9. *Королёва М. М.* Характеристика норм о преступлениях против чести и достоинства по уголовному законодательству Японии / М. М. Королёва // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 68–71.
10. *Мещеряков А. Н.* Самоидентификация японцев в отношениях с Западом и приемы преодоления национальных комплексов / А. Н. Мещеряков // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 2. – С. 27–41.
11. *Овчинников В. В.* Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы / В. В. Овчинников. – М., 1975.

12. *Shimazu Naoko*. Japan, race and equality. The racial equality proposal of 1919 / Naoko Shimazu. – London, 2009.
13. *Shimazu Naoko*. Nationalisms in Japan / Naoko Shimazu. – London, 2006.
14. *Stokes H. S.* The Life and Death of Yukio Mishima / H. S. Stokes. – London, 1975.

Наукове видання

**ЧЕСТЬ ТА БЕЗЧЕСТЯ
AD FONTES**

*Збірка доповідей круглого столу СНТ
кафедри історії стародавнього світу та середніх віків
ХНУ імені В. Н. Каразіна,
27 березня 2015 р.*

Укладач, редактор О. А. Ручинська

Технічний редактор Є. В. Онишко

Підписано до друку 26.06.15. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Times. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 3,88. Наклад 100 прим. Зам. № 15-36.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.